

ФЕЛИКС РАЗУМОВСКИЙ:

Культура. - 2003 -
27 нояб. - 3 дек. - с. 5

Одну из немногих на нашем телевидении ярких исторических программ вот уже много лет ведет историк Феликс РАЗУМОВСКИЙ. Представляя его, хотелось бы добавить достойные его регалии. Но, к моему великому изумлению, их у него нет. Поначалу я растерялась, а потом подумала: говоря о выдающихся людях прошлых веков, достаточно было просто произнести их имена...

— Так кто же мы? Мне кажется, ответ на этот вопрос был до революции. В советское время — конечно же, хомо советикус. А о сегодняшнем дне и сказать нечего...

— Что касается хомо советикуса, то здесь, знаете ли, есть упрощенный диссидентский подтекст, эдакое пренебрежение. Большевики же были не такие бездарные люди. Они действительно дали ответ на поставленный вопрос, равно как и на множество других жизненно важных вопросов. Они воодушевили людей... Воодушевили идеями! Она может нас сегодня не удовлетворять, но тогда-то она пришлась ко двору. Не надо это забывать и сосредотачиваться только на негативе. Конечно, его было много... Но идейного вакуума в жизни не было. И не потому, что все с утра до вечера читали собрания сочинений Маркса и Ленина... Но зато все пели советские песни, смотрели кино. Даже метро было дорогой в светлое будущее.

Понимаете, на некоторые самые важные вопросы не всегда существует словесный ответ. Это иллюзия: мол, сейчас дадим однозначную формулировку, она удовлетворит всех, и все прозрело. На самые важные вопросы ответы даются с помощью самых разных языков культуры. Ну например, через пространственные образы. Здесь у нас сегодня абсолютный вакуум. Символ этой пустоты — строящиеся в Москве здания, которые венчают маленькие башенки в виде пустого металлического каркаса. Архитектура — вещь беспощадная, вся идейная пустота сразу и обнажается. Тут на вопрос "кто мы?" — не ответишь.

Уникальность сегодняшнего переходного времени в том, что жизненно важные вопросы даже не ставятся. Видимо, потому, что у общества нет в них потребности. Идеи никому не нужны! Достаточно экономических и политических заклинаний. И эта ситуация настораживает.

— А кто должен ставить эти самые важные вопросы?

— Ну как вам сказать? Когда в обществе появляется в них потребность, люди находят моментально. Ведь Россия — страна отнюдь не бедная — в интеллектуальном, культурном плане. Однако сегодня востребованы иные человеческие качества.

Сегодня нужны дельцы, а не деятели. Задач, адекватных нашему предназначению, нашей культуре, русской цивилизации, — нет. Есть псевдозадачи. Построить, скажем, капитализм. А я вот спрошу вас: какой капитализм?

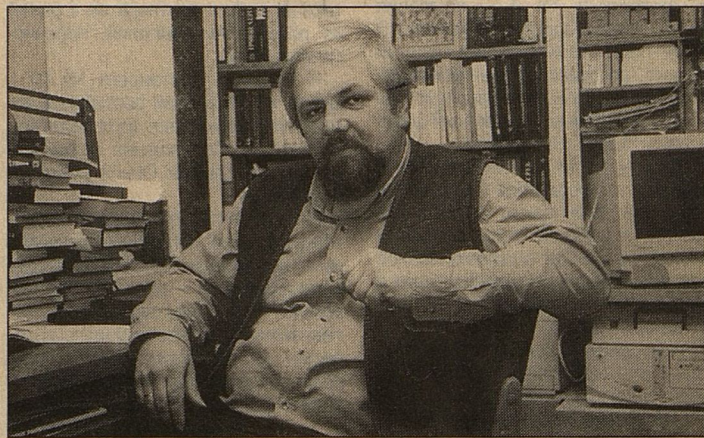
— Как какой? Капитализм он и есть капитализм. Что в Африке, что на Западе.

— Не получается. Недавно на экономическом форуме г-н Ясин заметил, что в России деньги не могут заставить человека работать, как стимул они не действуют. Мне читать это неловко. Если бы уважаемый ученый спросил даже среднего русского фольклориста, чем являются деньги в фольклоре, он бы узнал много. Ему бы объяснили, что деньги — это разбойник и большая дорога. А еще — клады. И все!

— Но при чем здесь фольклор? — Да при том, что фольклор — это слепок русского мировоззрения. Изучив фольклор, можно понять, кто мы! Так надо ли было перетряхивать всю страну, делая основную ставку на деньги. Ну не работает в России идея миллиона!

— Похоже, у нас не получается с капитализмом по западному образцу?

— Дело не в капитализме: как всегда, дело в человеке. В XIX столетии, я полагаю, русский человек с капитализмом справился. Справился. Возьмите повесть Чехова "Три года". Там главный герой русский капиталист-промышленник всем меценатствует, поддерживает разные культурные начинания и просто платит за учебу бедных студентов. Ситуация реальная: Савва Морозов, гордый тем, что ввинчивает лампочки в фойе Художественного театра, Мамонтов, который, несмотря на свое богатство, не считает себя хозяином жизни. Богатство для него не то, что дает ему особо комфортные условия, блага, не то, что его возвышает над всеми. Богатство накладывает на него дополнительные обязательства. Я знаю города, где до сих пор функционируют больницы, построенные столет назад богатыми людьми, которых, кстати, никто не заставлял их строить. Но у них была своя проблема — ложные духовные авторитеты. Ведь даже большевики успели побывать на этих ролях. А иначе бы рус-

Ф. Разумовский

ские промышленники им денег на революцию не давали. А ведь давали! Давно минули те времена, когда страна прислушивалась к мнению святых людей — Преподобного Сергия, тех же новгородских владык. На рубеже XIX — XX веков, духовные вожди — это сплошь русская интеллигенция.

— Дмитрий Сергеевич Лихачев считал, что она соль земли. А вы, Феликс, согласны с таким утверждением?

— Дмитрий Сергеевич был человек увлекающийся, не чуждый идеализации. На мой взгляд, это крайняя точка зрения. Но есть и другая крайность: интеллигенция виновата во всем, она испортила Россию, привела ее к катастрофе. На самом деле все гораздо сложнее. Дело в том, что у каждого явления есть свой возраст.

И своя родословная. Интеллигенция рождается где-то в XVIII веке. Первый русский интеллигент Александр Радищев, кстати, руководитель петербургской таможни, местечко замечательное по нынешним понятиям, все отдал за идею. "Он бунтовщик, хуже Пугачева", — сказала о Радищеве Екатерина II. И правильно сказала, так оно и есть. Книга "Путешествие из Петербурга в Москву" вся замешена на максимализме, присутствием именно юности.

Дальше интеллигенция взрослеет. Интеллигент другого поколения, Александр Герцен, пишет письма "К старому товарищу": "Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Начнем с того, что освободим самих себя". Это своего рода завещание русской интеллигенции — избавиться от ее самых страшных болезней — радикализма и беспочвенности. А потом появляется Антон Павлович Чехов. Написал "Чайку", полу-

чил гонимый и построил школу в Мелихове. А пальто теплое так и не купил за всю жизнь. И совершил путешествие не из Питера в Москву, а на Сахалин. Разумеется, радикальная интеллигенция не исчезла совсем и во времена Чехова. Она продолжала "звать Русь к топору", газетники издавала, брошюры всякие. Русской буржуазии приходилось как-то различать голоса интеллигенции, разбираться — кому внимать, кого отвергать. Но самое главное — была потребность внимать! Так на проблему русского капитализма наложились проблема русской интеллигенции. Они неразрывны.

— Но, следовательно, и демократия по западному образцу у нас тоже не получится?

— Да, "на их манер" — не получается. Демократия сама по себе — это абстрактный принцип, определенная политическая процедура. Если вы хотите, чтобы демократия прижилась в России, надо создавать ее национальную версию.

В Новгородской вечевой республике эта задача была решена. Пятисот лет процветала русская демократия в Великом Новгороде. Возраст почтенный! А на чем все держалось? На духовном авторитете новгородских владык! Многие из них были канонизированы, причислены к лику святых. Святые люди как опора демократии... Вот это и есть, если угодно, демократия по-русски. Новгородский епископ был не только главой Господина Великого Новгорода: внешняя политика и финансы — это тоже его прямая забота. Государственная казна хранилась в соборе Святой Софии. И с национальной идеей в Новгороде все было в порядке. Национальная идея не формулируется, а, скорее, выражается как культура. Идея

Великого Новгорода была возвращена... архитектурой главного храма — Софийского собора, образом Софии Премудрости... А потом возникла поговорка: "Где София, тут и Новгород". Демократия — это некий принцип, который всякий раз должен быть применен к реальной культурной и исторической традиции.

Не надо смотреть нам по сторонам, надо смотреть в глубь себя. А иначе можно угодить в весьма странную, ложную ситуацию. Это то, что в современной России называется "управляемая демократия". Постсоветская Россия имитирует демократию с помощью политических технологий, эдакого политического лицедейства. Ожидание людей, их настроение можно просчитывать и на них сыграть. Эта конструкция возведена буквально на песке.

— Выходит многие наши беды оттого, что мы не наследуем свои тысячелетние традиции?

— Безусловно. Что произошло с Россией? "Распалась связь времен" — вот диагноз нашей болезни. Мы впервые оказались в такой ситуации, хотя предпосылки к этому были и раньше. Петр I — западник. Все перенимает, новое насаждает, старое отвергает. Но и он воспитан в традициях русской культуры, знает ее систему ценностей. Те, кто до 1917 года осуществлял в России радикальные преобразования, были включены в русскую традицию.

В 1917 году все нити были разорваны. Началось создание нового человека, того самого хомо советикуса. И в этом мы преуспели. Возродить традицию оказалось невероятно трудным делом. Советские и нынешние националисты, почвенники и даже большинство писателей-деревенщиков — все они производили страшно провинциальное впечатление.

— Почему?

— Да потому что традицию, о которой они пеклись — и вполне искренне, — они не знали. Точнее, знали в ее внешнем проявлении, бытовом. А суть? К сути пробивались одиночки. Большие ученые, такие как академики Лихачев, Панченко. Александр Михайлович Панченко мог себе позволить говорить и о русской мудрости, и о русской глупости! Но это не всем нравилось. Хомо советикус любил национальные мифы...

Вот, что называется, случай из жизни. В начале перестройки мы с коллегой принесли в самый что ни на есть патристический журнал очерк о русском пространствовопонимании. Это вообще-то главная тема русской культуры. Почему ее называли мол-

чаливой, что в известном смысле справедливо? Да потому, что текстов было мало. Делетровская культура была культурой созерцания, культурой освоения пространства. У нас был особый род пространствовопонимания, пейзажного мышления. Эта глубинная традиция со временем была почти утрачена. Ее заново открыли: Дмитрий Лихачев — в слове и Исаак Левитан — в живописи. Об этом и был наш материал. Журнал работу не принял: Лихачев для них фигура неприемлемая, слишком западник, а Левитан и вообще еврей. Точка зрения, скажу я вам, сугубо провинциальных людей.

Естественно, не все национал-патриоты были такими лицедеями. Однако движение это было и остается недееспособным и маловлиятельным. Его сторонники не представляют масштаба проблемы. И потому часто ведут себя как активные бабушки во вновь открытых православных храмах. И всех-то они направляют: свечку передаешь не так, крестишься не тогда. Им кажется, что они хранят корневую православную традицию. На самом деле они, вчерашние комсомолки и партийки, ее и не знают.

— А мы даже не понимаем серьезности этой ситуации...

— Но при этом недоумеваем, почему у нас нет национальной политики, национальной экономики, национальной буржуазии... И даже национального кино. Почему у нас все валится из рук? Почему такое безобразное отношение к делу, к земле, вообще ко всему? А ведь недоуметь и удивляться тут нечему. Мы висим в воздухе. Буквально. Культурная почва ушла у нас из-под ног: Россия переживает кризис беспочвенности. Кризис самоидентификации. Выход из этого исторического тупика только один: самопознание. Нам не нужен исторический маскарад. Смазные сапоги, зипуны и тройки с бубенцами тут ни при чем. Нам нужно понять самих себя, нашу историю, особенности русской цивилизации.

— Считается, что русский не умеет ни в чем держать меры и идти средним путем, а всегда плуtat в крайностях...

— Ну что ж, высказывание это достаточно точное. Но этой мыслью нельзя размахивать, как дубиной. Тут, скорее, очередной повод для самопознания. Есть такое понятие, как тип русской духовности. Это наши представления о мире. Здесь нам особенно важны два полярных уровня, два плана — мир горний, мир Божественной истины, и ад, мир погребели, зла. Верх и низ мироздания. А

вот то, что составляет середину, — это наша земная жизнь, где есть место добру и злу, — этот уровень для русского сознания не очень важен. И в освоении этого срединного уровня мы не очень преуспели. Тогда как западное мироучувствие ориентировано по преимуществу на земное. Там умеют этот земной мир сделать удобным и пригодным для жизни человека. В частности — с помощью юриспруденции. Этот вполне земной и не очень совершенный механизм призван ограничить зло, не более того. Нам это не очень интересно. Наш идеал — Святая Русь, сияние вечной жизни, высоты духа! Но для этого нужно невероятное духовное напряжение. А когда его нет, мы погружаемся в очередную русскую смуту. Тут нам хотелось бы ограничить зло, но как? Мы не умеем. Власть предлагает установить диктатуру закона. Звучит, конечно, красиво... Но у нас для реализации этой идеи ничего нет. Русский либерализм — это оранжевый цветочек, экзотика.

— Подождите, подождите. Это что же получается, закон — вещь не необходимая для нас?

— У нас с законом большие проблемы. Потому что эта область юриспруденции — срединный уровень. А мы действительно люди крайностей. Еще русские князья пытались договориваться, докончанные грамоты писали, чтобы жить в мире. А на следующий день их нарушали. Отношения между вассалом и сюзереном, обществом и властью — все это дается нам очень трудно. Юридический принцип не срабатывает. Но "работают" другие вещи.

— Какие?

— Законы начинали соблюдаться в большей степени, когда утверждался духовный авторитет. При Преподобном Сергии Радонежском нарушать законы и докончанные грамоты было сложнее. Преподобный, как и новгородские епископы, играл особую роль — духовного авторитета. По сути дела, он изменил нравственное направление всей России. И на Куликовом поле московский князь вышел только благодаря Преподобному. Никогда Дмитрий Иванович, этот вполне провинциальный деятель, сам по себе не собирался.

— Да, мифами полна история России. Один философ сказал, что русский человек — вечный труженик отдыха. Все собирается, собирается сделать что-то великое и ничего не делает.

— Трудолюбие упирается в проблему стимулов, о которой мы уже говорили. Русские не кальвинисты, у которых труд имеет самостоятельное

значение в иерархии ценностей. Если нет настоящего духовного стимула, русский человек будет лежать на печи или, как Обломов, на диване, у кого что есть. Есть стимул — русский горы свернет. Тут характер и культурное сознание народа, с этим не поспоришь. Русский человек должен ответить себе на вопрос "зачем". Совершенно очевидно, что ни американский, ни японский ответ нам не подойдет. Найти русский ответ на вопросы "зачем?", "во имя чего?" — в этом и заключается проблема русских реформ. А мы сегодня перетряхнули всю страну. Хотя, казалось бы, чего уж проще: изучить для начала опыт предыдущих русских реформ. Вот опять пришли к необходимости самопознания.

Стадию индустриального развития русская цивилизация должна была проиграть. Мы и проиграли. Потому что сделать одну ракету лучше всех — это мы можем. А вот сделать тысячу хороших каструль не можем. Творческий потенциал у народа совершенно колоссальный, но деятельность в рамках строгой технологической дисциплины — это как бы и не для нас. И хвастаться тут вообще нечем.

— Виктор Петрович Астафьев, человек очень честный, говорил, что мы сейчас не народ, а население. Такие потери в традиционной культуре, что это уже невосполнимо.

— Я думаю все-таки, что это горькое преувеличение. Да, потери колоссальные. Но те люди, то население, которое живет сегодня на этой земле, какими-то нитями связано с предыдущими поколениями. Обрубить их совершенно не-воз-можно. Сегодня задача стоит глобальная — если это население удастся вернуть в его национальное лоно, то оно обретет смысл существования, проявит русское трудолюбие. Нынешнему разложению должны быть противопоставлены очень серьезные вещи, а не политические технологии.

— Говорят, что нация не то, что она думает о себе, а то, что Господь думает о ней в вечности.

— Все-таки для начала надо подумать о себе. Это совсем не бесполезное дело. К тому же мне трудно сказать, что Господь думает в вечности. Вообще, мессианизм из русской жизни следует исключить, ибо он противоречит русской духовной традиции.

Беседу вел
Наталья ЛАРИНА
Фото Владимира ЕШТОКИНА